

Алексей Иванов: Кто в цепочке создания стоимости выше, тот и инноватор

Директор Института права и развития ВШЭ – Сколково (ild.hse.ru) Алексей Иванов рассказывает, как аппаратные коммуникации буквой «П» сказываются на технологиях, почему экономика страны принимает форму той же буквы, как инновации связаны с антимонопольным регулированием, и почему гибкость и адаптивность так важны для современного мира.

Для поддержки инноваций российское государство создало так называемые институты развития. Они строились как реплики западных институтов, классический импорт решений. «Сколково», «Роснано», РВК и фонд Бортника – для каждого можно найти образцы на Западе, что само по себе, конечно, неплохо.

Вопрос в том, сможете ли вы скопировать всю систему, все ее тонкие связи, внутренние механизмы адаптации и соответствие контексту социальной среды. Культуртрегерский подход в духе Петра Первого, надо признать, не самый органичный. Системы с их корневищами не пересаживаются. Бизнес-лидеры сейчас любят говорить об экосистемах как ключевой форме организации экономической жизни, но их можно только вырастить, и нельзя механически построить. В результате институты развития в России не срослись в единую платформу, не стали единой

экосистемой. Это фрагменты чего-то незавершенного.

В то же время, их объединяет организационное притяжение со стороны госаппарата. Они так созданы, что фасадом развернуты к бизнесу, а «тыльной» стороной сопряжены с государственной системой управления, которая не отличается ни заметной эффективностью, ни соответствием потребностям современной экономики. Можно сказать, институты развития были привиты на дряхлеющее древо государства прошлой эпохи.

Также приходится считаться с тем, что для нашей бюрократии характерно отсутствие качественной горизонтальной коммуникации. Коммуникации строятся буквой «П», то есть через верх. Сходили наверх, пообщались, договорились. Спустились вниз, исполнили решения. Если решения не исполнены, придется двигать опять наверх. Ход дел это все не ускоряет и качество решений не повышает, особенно в проекции на институты развития, которые по своей природе должны быть заточены на другую логику работы.

Чтобы судить о том, оправдано ли было их создание, нужно определиться с точкой отсчета. Тут, как с Чемпионатом мира по футболу. С одной точки зрения – на те затраченные \$10 млрд лучше бы отремонтировали школы, больницы и проч. А с другой – эффект для репутации страны возможно и оправдывает затраты. Это уже разговор о приоритетах развития, которого нам в стране очень не хватает.

С критикой по поводу того, что деньги можно было потратить лучше, вообще очень трудно работать. А в России это еще и скатывается к вечным вопросам о воровстве и разгильдяйстве. Вторая линия критики серьезней. Не профанирована ли сама идея институтов развития? Не исчерпан ли интерес и лимит доверия к ней? Подобные настроения можно заметить и в истеблишменте, и у широкой публики.

В 2010-м году инициатива по созданию новых институтов развития пользовалась еще высокой поддержкой. Она была относительно

нова, не затаскана, экономика оправилась от кризиса 2008-2009 гг. и более-менее пришла в форму – в целом, были какие-то надежды на изменение реальности. А сейчас такая инициатива упирается в бесконечные сомнения о том, нужно ли это и что мы с этого получим. Эта атмосфера очень неблагоприятна для институтов развития, особенно если они внесли свой вклад в развитие экономики, который пока еще сложно оценить с цифрами на руках. Естественная опора для институтов развития – общественное мнение, которое оправдывает затраты на эксперимент, на альтернативные модели управления развитием. У нас такого общественного мнения сейчас скорее нет.

Если говорить о конкретных задачах, стоящих перед сотрудниками институтов развития сегодня, то это, прежде всего, проблемы выживания в государственной, а не рыночной системе. Навыки выживания в существующей российской системе у персонала институтов развития очень неплохие, раз они проработали в условиях давления уже столько лет. Но эффективность работы этих команд трудно оценить по рыночным критериям. Мешает то обстоятельство, что переток людей в институты развития и из них, то явление, которое американцы называют «rolling doors», у нас работает в основном по одному каналу – между госаппаратом и институтами развития. А между институтами развития и бизнесом можно и не заметить таких «вращающихся дверей». Единичные случаи бывают, но система работает преимущественно по-другому. Почему так? Потому что наиболее эффективны в институтах развития люди, адаптированные к логике госаппарата, способные находить общий язык с министерствами, с администрацией президента и т.д., и проталкивать в итоге свои проекты именно в государственной логике или логике околосударственного крупного бизнеса, что в наших условиях почти одно и то же. Можно сказать, в их ситуации это залог всей остальной эффективности.

Инновации – это задача, которая должна стоять перед всеми ведомствами, а не только перед специально придуманными. Инновационная тема – ключевой аспект современной экономики.

Экономика знаний в том, что вы постоянно изобретаете что-то новое, меняете технологии, выводите на рынок новые продукты, вся добавленная стоимость заключается в этом.

Если мы рассуждаем в логике изменений, то любое ведомство надо оценивать по его влиянию на развитие. Например, смотрим сельское хозяйство, видим зависимость по импортному генетическому материалу, доходящую до 90% по важнейшим культурам, и четко понимаем, какую задачу надо ставить перед Минсельхозом именно в логике развития.

А у нас это сложный управленческий процесс – изменения не нужны и не выгодны текущей бюрократии, у нее все выстроено и работает. Надо менять систему на ходу. Гибко реагировать. А нам всегда хочется или построить с нуля – или не связываться. Дело не в том, нужны институты развития или нет. Все дело в том, как «развитие» позиционируются в госсистеме.

Сегодня вместо инструментов, адаптированных к реальным условиям новой глобальной экономики, в России применяются меры из прошлого уклада – создать специальные агентства, дать им землю и фонды на стройку или деньги для раздачи компаниям. В новом мире это уже не работает. Нужны гибкие механизмы адаптации к изменяющейся глобальной экономике, а не очередной царь-технопарк, который будут показывать иностранцам наряду с царь-пушкой и царь-колоколом.

Таких гибких инструментов по адаптации управления по ходу движения у нас осталось очень немного. Одним из них, например, является крайне недооцененный в нашей системе инструментарий антимонопольного регулирования. Стоит напомнить, что антимонопольное право возникло в США именно как гибкий механизм управления изменениями на рубеже промышленной революции конца 19 – начала 20 веков, когда Америка стояла на похожей развилке – что делать с экономикой в условиях резких социальных и технологических изменений. Этот инструментарий помогает перезапускать циклы инновационного развития, расшивать тонкие места в экономической системе, особенно

учитывая колоссальную концентрацию капитала и монополизацию ключевых глобальных рынков в наше переходное время. Поэтому в ряде динамично развивающихся экономик мира мы можем видеть своего рода «ренессанс» антимонопольного права. Не будет натяжкой сказать, что и у нас такие знаковые антимонопольные дела последних лет как дело «Яндекса» против Google, или рассмотрение сделки Bayer с Monsanto оказали большее влияния на инновационное развитие нашей экономики, чем большинство призванных это делать институтов развития, работающих в привычной бюрократической логике. Ключевой эффект указанных решений ФАС России – это предоставление возможностей российскому инновационному бизнесу по более выгодному включению в глобальные цепочки создания стоимости.

По логике вещей в государственной системе институты развития должны играть простую роль. Их суть в готовности осознанно работать с риском. Зная, что и они сами, и получатели денег могут сделать ошибку.

Когда вы даете деньги ученому/предпринимателю, он экспериментирует, пытаясь сделать что-то интересное. И вам придется закрывать глаза на вероятные неудачи. Умение принять риск и с ним работать – это ключевое качество институтов развития. У наших институтов развития этот навык развит очень слабо. Иногда даже умение и желание работы с риском ниже, чем в среднем по госаппарату.

Сейчас у нас в фокусе развития страны цифровая экономика. «Цифровизация» – это просто устоявшееся название для перемен вокруг. Такое же, как «электрификация» – для тех времен, когда повсюду внедрялось электричество. В каждой отрасли по-своему, но электрификация накрыла всю экономику. Так и с цифровизацией. Она началась не сегодня, но кумулятивный эффект только нарастает и докатился, например, до сельского хозяйства. «Точное земледелие» – это, например, цифровой сюжет. Аналогично и ускоренная селекция, основанная на биоинформационных технологиях и проч. Формируется набор разного рода IT-решений, которые, в конце концов,

интегрируются в единую платформу. Сейчас основные игроки рынка стараются полностью оцифровать взаимодействие с сельхозпроизводителями, сделав их пользователями своей платформы.

Большинству фермеров, наверное, это выгодно с точки зрения текущей доходности. Но фишка в том, что платформы будут определять все функционирование рынков. И основные доходы (ценность) платформы будут перемещать от сельхозпроизводителей к себе – они сами, используя свою бешеную рыночную власть, запустят и реализуют этот процесс в ближайшем будущем. Как результат, в глобальных цепочках создания стоимости роль фермеров будет падать, а платформ, поджимающих их с разных сторон рынка, расти.

Цифровизацию не остановить, как было с электрификацией. Но есть возможность повлиять на условия этого процесса. Увеличить эффективность и снять барьеры за счет создания национальной цифровой платформы, которая будет учитывать интересы бизнеса, государства и населения, например. А если это не получается, в том числе в силу ограниченности ресурсов, то надо включать регуляторные механизмы для содействия участию наших компаний в глобальных цепочках создания стоимости на выгодных условиях. И тут опять речь идет о новом типе антимонопольной политики. Этому, в частности, посвящен и Пятый антимонопольный пакет, который с таким трудом принимается нашей бюрократией именно из-за привычки работать по понятным схемам и непонимания логики развития современных рынков и состояния глобальной экономической конкуренции. Влияние на работу глобальных платформ в новом экономическом укладе для экономически слабых стран типа России очень ограничено. И антимонопольное право – один из немногих пока еще работающих инструментов, особенно если его применять координированно в партнерстве с коллегами по БРИКС или ЕАЭС, например – несмотря на все различия, у нас есть возможности по сближению позиций. Нужно просто научиться правильно ставить задачи.

Насколько инновационна российская экономика, как оценить?

Инновации нужны, чтобы получать добавленную стоимость. В мире работают глобальные цепочки создания добавленной стоимости – global value chains.

Кто в цепочке держится повыше и удерживает больший кусок экономической ценности, тот и молодец, тот и заработал, тот и инноватор. Потому что он повышает свое место внутри value chain как раз за счет инновационных технологий.

Экспортная составляющая – это простой показатель инновационности в наших условиях. Ценность инновации, которая никому в мире не нужна, сомнительна. Пару лет назад в правительственном докладе по этому вопросу говорилось, что решений, которые содержат в себе какую-то инновационную составляющую, в экспорте России всего 0,04%. Это более-менее реалистичный взгляд на нашу инновационность сегодня.

В конце концов, что мешает нам с инновациями и в чем основная проблема? Одна из фундаментальных проблем, я считаю – нежелание и страх изменить статус-кво. Правильнее всего в таком положении – повышать живость и гибкость государственной системы в целом. С инновационной экономикой не помогут ни вольеры с особыми условиями, в которых живут экзотические для нашей экосистемы животные, ни прямые меры государственной поддержки, характерные для прошлых технологического и хозяйственного укладов и упирающиеся в наши хорошо понятные слабости – воровство, кумовство и другие традиционные ценности. Нужно повышать степень свободы в принятии решений и работы с рисками, усиливать адаптивность всей системы государственного управления и связанного с ней бизнеса. У известного социолога Зигмунда Баумана была хорошая книжка о «текущей модерности». Он говорил, что на нынешнем этапе модернизации нет четких рецептов для развития, и ключевым становится умение системы работать в условиях постоянных изменений – ее гибкость. У нас с такой адаптивностью проблемы. Мы любим простые решения, «отлитые в граните», как сказал как-то публично о своих поручениях нынешний председатель правительства. На такие выбитые в камне решения были хороши

для законов Хаммурапи, а не для цифровой экономики. Вот с этим надо что-то делать. Повышать адаптивность, научиться постоянно менять реальность, не разрушая ее. Тогда появится шанс на выживание на текущем витке эволюции.